

верности реконструкции фасада для бесколонного варианта – $K_{\phi} = 0,1 \times 0,7 + 0,2 \times 0,7 + 0,1 \times 0,7 + 0,2 \times 0,7 + 0,2 \times 0,7 + 0,1 \times 1,0 + 0,2 \times 0,3 = 0,72$; для одноколонного – $K_{\phi} = 0,1 \times 0,7 + 0,2 \times 0,7 + 0,1 \times 0,5 + 0,2 \times 0,7 + 0,2 \times 0,7 + 0,1 \times 1,0 + 0,2 \times 0,3 = 0,7$; для двухколонного – $K_{\phi} = 0,1 \times 0,7 + 0,2 \times 0,7 + 0,1 \times 0,3 + 0,2 \times 0,7 + 0,2 \times 0,7 + 0,1 \times 1,0 + 0,2 \times 0,3 = 0,68$. Как видим, в обоих случаях, т.е. исходя из реконструкции как плана, так и фасада, более вероятен бесколонный вариант. Коэффициент степени достоверности восстановления ордера для всех трех вариантов одинаков – $K_0 = 0,2 \times 0,5 + 0,3 \times 0,5 + 0,3 \times 0,5 + 0,2 \times 0,5 = 0,5^{22}$.

В заключение отметим, что практически квадратные пропорции наоса и крайне малая глубина пронаоса типичны для сокровищниц, но никак не для храмов. Иначе говоря, не исключено, что, учитывая пропорции и необычайно малые размеры березанского сооружения, а также тесноту в его размещении на участке, оно могло быть не храмом, а сокровищницей.

THE TEMPLE OF APHRODITE ON THE BEREZAN PENINSULA. A RECONSTRUCTION

S.D. Kryzhitsky

The article proposes a graphic reconstruction of the 6th c. BC Aphrodite's temple. According to the reconstruction, the temple was one in antis with an open columnless portico. The order of the temple was Ionic or Attic. The wooden entablature was simplified, consisting of an architrave and denticles with a cornice. The portico had a pediment, the slopes of its roof rising at an angle of 21–30°. The thatching was of adobe or reeds. The walls were built of raw bricks upon stone socles. As a unit of length the builders must have used the Dorian foot. Almost square shape of the naos, a very short pronaos and an unusually small size of the building are typical of treasuries.

© 2001 г.

И.А. Макаров

ИЗ ЭПИГРАФИКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. В 1988 г. В.А. Денисовой была опубликована и проанализирована стихотворная эпитафия конца IV в. до н.э., найденная в 1981 г. при раскопках Ольвии¹. Позднее этот текст привлек внимание Ю.Г. Виноградова². Наконец, он был включен в сборник ольвийских надписей, составленный Л. Дюбуа³. Надпись выглядит следующим образом (дополнение в конце первой строки было предложено первоиздателем):

μάνυε καὶ τὸν ἔμὸν, στάλα, μόρον· οὐ [γ]ὰ[ρ] ἔτ' εἰμί.]
πατρὸς Ἀριστάρχου χῆρον ἔθηκα βίον.
παρθενὶς οὐδ' ἀρετᾶς ὥρας ἐπὶ τέρμα μολοῦσα
ἐπταετιζόμενα μοῖραν ἔχω βιότου.

²² Подсчеты даны по методике: *Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 30, 31.

¹ *Денисова В.И.* Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. 1988. № 1. С. 251–256 (ср. SEG XXXVIII. 754).

² *Vinogradov Ju.G.* Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1993. № 3. P. 65–66 (ср. SEG XLIV. 667).

³ *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996, № 46. P. 90–92.

Наибольшие трудности для понимания представляет третья строка эпитафии. Издательница надписи перевела ее так: «Парфенида, даже не соприкоснувшись с благодатью юности, подошедшая к смертному часу»⁴. Ю.Г. Виноградов указал на ошибки в этом переводе и интерпретировал текст следующим образом: «I, being only seven years old, have failed to reach the limit (τέρμα) of that hour (ώρας) when human-beings start to perform virtuous deeds»⁵. Л. Дюбуа дал иной перевод: «sans avoir atteint la fleur de mon épanouissement»⁶.

Итак, для словосочетания ἀρετᾶς ὥρα ἐπὶ τέρμα μολεῖν были предложены следующие интерпретации: 1) «соприкоснуться с благодатью юности» (Денисова); 2) «достичь границы того времени, когда люди начинают совершать добродетельные поступки» (Виноградов); 3) «достичь высшей степени расцвета» (Дюбуа).

Слабость первой и третьей интерпретации заключается в толковании слова ἀρετή: в эпитафиях оно регулярно служит для обозначения добродетели умершего. Нередко в надгробных надписях, посвященных мужчинам и женщинам, обращается внимание на различные проявления их ἀρετή: справедливость, благочестие, целомудрие (например, GVI 931, 1239, 1252, 1261, 1962). В силу этого обстоятельства значение «расцвет» и тем более «благодать»⁷ представляется очень сомнительным. Перевод третьей строки, предложенный Ю.Г. Виноградовым, не вызывает возражений: в нем совершенно справедливо ставится акцент на моральной добродетели. Но при этом строка нуждается, на мой взгляд, в дополнительном комментарии. Понятно, что ребенка в отличие от взрослого невозможно хвалить за нравственные качества, которых у него по причине возраста еще не может быть. Именно поэтому в ольвийском тексте сказано буквально: «не достигнув границы (т.е. начала) поры добродетели». Возникает вопрос, начиная с какого момента жизни можно было характеризовать человека, пользуясь такими «взрослыми» категориями, как «порок» и «добродетель».

Несомненно, эта проблема должна была привлечь внимание, и, как кажется, отголоски ее обсуждения мы можем обнаружить в греческой философской традиции, в частности у стоиков, которые, указывая на связь между нравственностью и умственной зрелостью, рассматривали добродетель в качестве идеального состояния человеческого разума (Diog. Laert. VII 94; Plut. Virt. mor. 440e – 441d). В частности, Диоген Лаэртский (VII 55–6), приводя мнение Диогена Вавилонского, говорит о том, что рациональная способность у человека становится совершенной по достижении четырнадцати лет (ἀπὸ δεκατεσσάρων ἐτῶν τελειοῦται). Именно так можно было бы условно определить «границу возраста добродетели».

Слово, которым начинается третья строка эпитафии, все перечисленные выше издатели трактуют как имя умершей – Парфенида (Παρθενίς), засвидетельствованное в разных частях греческого мира, но не встречавшееся до сих пор в городах Северного Причерноморья. Однако против такого понимания говорит то, что в этом случае мы сталкиваемся с нехарактерной для греческого синтаксиса конструкцией, в которой личное имя оказывается приложением к местоимению ἐγώ, подразумеваемому при глаголе в форме 1 л. ед. ч.: Παρθενίς ... μοῖραν ἔχω βίτου. На мой взгляд, более естественно понять существительное παρθενίς как имя нарицательное в значении «девочка», диминутив от παρθένος⁸. При этом слово οὐδέ оказывается не наречием «даже не», а союзом, тождественным по значению καὶ οὐ «и не». Предложение в стк. 3 должно означать: «будучи девочкой и не дожив до начала возраста добродетели». По всей видимости, подлинное имя покойной дочери Аристарха было вырезано в верхней не сохранившейся части плиты над рельефом.

⁴ Денисова. Ук. соч. С. 255.

⁵ Vinogradov. Op. cit. P. 65.

⁶ Dubois. Op. cit. P. 92.

⁷ В.И. Денисова отмечает, что выражение ἀρετᾶς ὥρα можно понять и как «возраст добродетели, возраст совершенства», но «содержание фразы остается примерно тем же» (ук. соч., с. 255).

⁸ До сих пор существительное παρθενίς было засвидетельствовано только как антропоним или как название растения. См. LGPN s.v.; LSJ s.v.

Наконец, следует отметить, что во всех предыдущих изданиях этого текста причастие ἔπταετιζομένηα толкуется как форма nom. sg., грамматически согласованная с подлежащим «я». В этом случае фраза μοῖραν ἔχω βίβου должна пониматься как «я закончила жизнь». Общий смысл предложения, безусловно, таков, но при этом возникает определенная натяжка в толковании слова μοῖρα. Оно должно оказаться тождественным по значению греческому τέλος – «конец, исход». Между тем такого значения у данного слова нет. Начиная с Гомера (II. IV 170) μοῖρα βίβου в отличие от μοῖρα θανάτου («смертная доля», «смерть», ср. GVI 9) означает «мера жизни», «жизнь» (ср., например, GVI 2040: νῦν γὰρ θειοτέτην μοῖραν ἔχεις βίβου). Не исключено, что автор эпитафии по небрежности придал фразе μοῖραν ἔχω βίβου то значение, которое имеют похожие выражения μοῖραν ἔχειν θανάτου («получить смертную долю») и ἀναπλήσαι μοῖραν βίβου («исполнить меру жизни»). Однако можно предложить и другое объяснение: написание ἔπταετιζομένηα μοῖραν отражает первоначальное ἔπταετιζομένηαν μοῖραν (с переходом конечного *ню* в первом слове в *мю* в результате ассимиляции и графической передачей двух *мю* через одно) – «я получила семилетнюю меру жизни». Параллель этому способу выражения находим в одной из эпитафий⁹: τεσσαρακαδέκτη δόλιχον βίβου σταδιεύσας – «завершив четырнадцатилетний бег жизни». В итоге мы получаем следующий перевод ольвийской эпитафии: «Памятник, расскажи и о моей смерти, [ибо меня уже нет]. / Я сделала одинокой жизнь моего отца Аристарха /. Будучи девочкой и не достигнув начала возраста добродетели, я обрела семилетнюю меру жизни»¹⁰.

2. Наиболее ранние упоминания должности царя (βασιλεύς) в Херсонесе Таврическом встречаются в трех посвячительных надписях, датируемых по характеру письма концом IV–III в. до н.э. (IOSPE I², 410, 414, 415)¹¹. Точно определить круг обязанностей этого магистрата не удастся, но точно известно, что по крайней мере начиная со второй четверти II в. до н.э. он являлся эпонимным магистратом Херсонеса (IOSPE I², 402, 352–354, 403). Лишь в римское время эту функцию выполняет богиня Дева (IOSPE I², 357–359, 360, 361, 365, 384, 699). Связь данной магистратуры с сакральной сферой¹² засвидетельствована для большого количества полисов, в частности для херсонесской праметрополии Мегар (IG VII 1–14; 3473; cf. FrGrHist. III B 485 F 10 = Schol. Apol. Rhod. I 516) и ее колонии Калхедона (IKalch 7, 10)¹³. Херсонес Таврический в этом отношении также не составляет исключения. Из трех указанных херсонесских посвящений явствует, что царем и жрецом Девы могло быть одно и то же лицо. Не вполне понятным остается лишь характер этой связи: было ли исполнение одной функции обусловлено исполнением другой. Эта неясность открывает дорогу для разнообразных предположений. В частности, в исследовательской литературе отмечалось, что, возможно, царская магистратура являлась ступенькой к должности жреца Девы¹⁴.

По моему мнению, всякая неясность исчезает при сопоставлении упомянутых надписей. В посвящениях Пасиада, сына Артемидора, и Формиона, сына Эрия (IOSPE I², 414, 415), речь идет об одновременном исполнении ими обязанностей жреца Девы и

⁹ Epigrammatum anthologia Palatina cum Planudeis et appendice nova. V. 3. P. 1890. № 579.

¹⁰ Мне представляется справедливой точка зрения Л. Дюбуа (Op. cit. P. 91), который в отличие от В.А. Денисовой объясняет дорийские формы слов в этом тексте не влиянием литературной моды, но херсонесским происхождением семьи умершего ребенка.

¹¹ По поводу IOSPE I², 414 см. также: Пичикян И.Р. Алтарь Пасиада в Херсонесе // СА. 1976. № 3. С. 248–255 (в SEG XXVI. № 803 эта републикация ошибочно зарегистрирована как публикация новой надписи).

¹² Аристотель (Polit. 1322 b 20 sqq.) говорит о царях как о «должностных лицах, выделенных для совершения тех государственных жертвоприношений, которые по закону не поручены жрецам, но имеют особенное значение как совершаемые на государственном очаге» (перевод С.А. Жебелева; ср. Polit. 1285 b 10 sqq.).

¹³ Ср.: Carlier P. La royauté en Grèce avant Alexandre. Strasbourg, 1984. P. 329–337, 401, 436, 446, 479.

¹⁴ Пальцева Л.А. Херсонес Таврический в V–I вв. до н.э. Л., 1988. С. 47.

басилевса. Третье посвящение (IOSPE I², 410) выглядит следующим образом: Βίωv Σιμία. | Αντιβίωv Βίωvος τοῦ Σιμία βασιλεύσας | ὑπὲρ τοῦ πατρὸς Παρθένωv ἱερεὺς ἕωv. На первый взгляд перевод В.В. Латышева строк 2–3 не вызывает ни малейших сомнений: «Антибион, сын Биона Симиева, бывший царем, за отца посвятил Деве, будучи жрецом». Интерпретация первоиздателя основана на различии времен причастия аориста βασιλεύσας и причастия настоящего времени ἕωv. В.В. Латышев отнес выражение ἱερεὺς ἕωv, «будучи жрецом» к подразумеваемому глаголу посвящения ἀνέθηκε. Однако, если отнести его к действию, выраженному причастием βασιλεύσας, мы получаем перевод: «Антибион, сын Биона, сына Симия, за отца (посвятил) Деве (статую), исполнив должность царя и жреца». Иными словами, все три текста говорят об одновременном исполнении жреческих и царских обязанностей. Следовательно, можно предположить, что вплоть до римского времени на две должности (жреца Девы и главного эпонимного магистрата Херсонеса) ежегодно избирался один человек. Такое положение вещей существовало до римского времени, когда царские обязанности стали возлагать уже на само божество. Но и в более позднюю эпоху в датирующих частях декретов сохранился след практики эллинистического времени: упоминание имени жреца на втором месте после царствующей богини Девы (IOSPE I². 357–361, 384, 386)*.

NOTES ON TWO NORTH BLACK SEA COAST INSCRIPTIONS

I.A. Makarov

This article presents critical notes on two Greek inscriptions from Olbia (SEG XXXVIII 754) and Chersonesus (IOSPE I². 410). The syntax of the 1.3 in the Olbian funeral epigram shows that the noun παρθενίς is not a personal name, but means here «little girl». The author comments on the formula τέρμα ὄρας ἀρετῆς adducing some parallels from the epigraphy and the philosophical tradition (Diog. Laert. VII. 55–56). The participle ἐπταετιζόμενα represents on the stone the original form ἐπταετιζομένην (acc. sg., scil. μόραν) as a result of the assimilation and haplography. Connecting the words ἱερεὺς ἕωv with the participle βασιλεύσας (not with verbum dedicandi, as *ed. pr.*), the author proposes a new interpretation of the inscription from Chersonesus (IOSPE I². 410): «Antibion, son of Bion, son of Simias, (has dedicated the statue) of his father to Parthenos, having been the king and the priest». This enables him to conclude that the duties of the king and the priest in the hellenistic Chersonesus were always performed by one, not by two, annually elected citizen.

© 2001 г.

А.А. Масленников

«ЦАРСКАЯ» ХОРА БОСПОРА НА РУБЕЖЕ

V–IV вв. до н.э.

(К вопросу о локализации)

Характерной особенностью поземельных отношений в Боспорском государстве со времен Спартокидов, как известно, было наличие нескольких типов землевладения. Во-первых, «полисного», сложившегося, естественно, раньше других. Понятие «полис» и его сельская территория столь взаимосвязаны, что выделение признаков последней может оказаться решающим в определении соответствующего статуса того или иного боспорского города¹. Так, по-видимому, есть основания говорить о наличии хоры (со

* Публикация осуществлена в рамках проекта РФФИ (код проекта № 99-06-80397а).

¹ Из недавно вышедших работ, в которых поднимается вопрос о полисном статусе боспорских городов, укажем: *Виноградов Ю.А.* Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Кимме-